

ПОЛТАВСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

БЕСѢДА 12-я.

Объ отношеніяхъ пасомыхъ къ пастырямъ и церкви.

Молимъ вы, братіе, знайте труждающихся у васъ и предстоятелей и имйте ихъ по преимахъ въ любви за дѣло ихъ и будьте въ миръ между собою. (1 Сол. 5. 12, 13),

Въ церкви, основанной Спасителемъ, учрежденъ Имъ особый чинъ людей, составляющихъ іерархію, и есть также просто вѣрующіе;—или, есть пастыри и есть пасомые; и пастыри и пасомые составляя одно тѣло церкви, поставлены Основателемъ ея въ такомъ тѣсномъ взаимномъ отношеніи, что ни пастыри безъ пасомыхъ, ни одни пасомые безъ пастырей не могутъ составлять церкви. Пастыри обязаны руководствовать своихъ пасомыхъ по пути спасенія,—и пасомые какъ живые члены того же тѣла церкви имѣютъ свои обязанности какъ по отношенію къ пастырямъ, такъ и по отношенію къ церкви.

Непремѣнная обязанность пастырей есть учить своихъ пасомыхъ, совершать для нихъ священнодѣйствія, и духовно управлять словеснымъ стадомъ, а со стороны пасомыхъ непремѣнная также обязанность—слушать ученіе своихъ пастырей, пользоваться ихъ священнодѣйствіями, повинно-

ваться ихъ духовной власти. Верховный Пастырь, Котораго должны слушать овцы, есть Самъ Господь Иисусъ Христосъ, а по Немъ тѣ, которые видимо представляютъ Его невидимое пастьрство, и дѣйствуютъ вѣренною отъ Него властію. Первыми представителями на землѣ Небеснаго Пастыреначальника Христа были Апостолы, а за ними всѣ преемники ихъ служенія, архіереи и священники, къ которымъ Самъ Господь сказалъ: *Слушай васъ Мене слушаетъ* (Лук. 10, 16). Но слушать пастьря есть только начало послушанія; совершенное послушаніе есть вѣрное послѣдованіе слышанному. Спаситель говоритъ о Своихъ овцахъ, что онѣ не только слушаютъ гласа Его, но и по Немъ идутъ. Для чего же и слушать овцамъ пастьря, какъ не для того, чтобы неуклонно послѣдовать его водительство? Св. Тихонъ говоритъ: „Понеже пастьрь слово Божіе глаголетъ: то — чему учить, прилежно внимай тому, христіанине, и потому твори“. Пасомые должны пользоваться священнодѣйствіями и всякими молитвословіями своихъ пастьрей. Для чего установлены Господомъ въ церкви Его таинства? Для того, чтобы очищать нашу природу отъ грѣха, возродить и обновить насъ, возвратить законное господство нашему духу надъ плотію, нашему разуму надъ страстями, и даровать намъ Божественныя силы (2 Петр. 1, 3), при пособіи которыхъ мы могли бы творить добро, и твердо идти по указанному намъ пути къ горнему отечеству. И такъ, не пользоваться таинствами или пользоваться, но безъ должнаго благоговѣнія къ нимъ, не значить ли явно разорять свое спасеніе, которое столь милосердно устрояетъ Спаситель намъ въ таинствахъ церкви? Наконецъ, пасомые должны быть въ повиновеніи у своихъ пастьрей. Ап. Павелъ говоритъ: *повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покаритесь* (Евр. 13, 17). Конечно, повиновеніе сіе должно выражаться болѣе всего въ исполненіи того, чему учагъ пастьри и проводить въ жизнь слышанное отъ нихъ. Но при семъ они должны любить и почитать пастьрей, какъ духовныхъ отцевъ своихъ, ученіемъ и таинствами возрождающихъ и воспитывающихъ ихъ въ духовной жизни для наслѣдія вѣчнаго спасенія и блаженства, и не оставлять ихъ въ нуждахъ ихъ. *Молимъ вы, братіе, пишеть Апостолъ, знайте труждающихся у васъ и предстоятелей вашихъ о Господь, и вразумляющихъ васъ, и имъйте ихъ*

по призлиха въ любви за дѣла ихъ (1 Сол. 5. 12—13). Св. Тихонъ говоритъ: „Пріемли убо и почитай пастыря, яко Христова посланика .... не оставляй его въ нуждѣ, и чего требуетъ, въ томъ помогай ему и восполняй его недостатки“. (Т. 1-й стр. 211). Св. Іоаннъ Златоустъ, убѣждая своихъ слушателей, чтобы они воздавали почести священникамъ, говоритъ: „Ужели вы не знаете, что честь имъ воздаваемая переходитъ къ Господу всяческихъ?... (65 бесѣд. на кн. Бытія). И такъ, говоритъ тотъ же вселенскій учитель въ другомъ мѣстѣ, будемъ Бога бояться и уважать Его священниковъ, оказывая имъ всякую честь, дабы и за свои добрыя дѣла и за уваженіе къ нимъ получить отъ Бога великую награду“ (Изъ 86 бес. на Ев. отъ Іоан.).

Кромѣ сихъ обязанностей къ своимъ пастырямъ пасомые, какъ члены одного духовнаго тѣла, соединенные между собою подъ Главою—Христомъ, должны имѣть особыя отношенія и къ прочимъ членамъ церкви, къ своимъ братьямъ. Такъ, они должны взаимно наставлять другъ друга къ любви и добрымъ дѣламъ, всячески стараясь, чтобы не подать въ чемъ преткновенія и соблазна ближнему. Свят. Іоаннъ Златоустъ говоритъ своей паствѣ: „Соревнуй Павлу, будемъ и мы назидать, если не весь міръ, не цѣлые города и народы; то, по крайней мѣрѣ, каждый свой собственный домъ, свою жену, своихъ друзей, сосѣдей“ (на посл. къ Римл.). Пасомые должны со всею кротостію и долготерпѣніемъ вразумлять и исправлять другъ друга и со всѣмъ усердіемъ молиться другъ за друга (Гал. 6, 1). Наконецъ пасомые должны оказывать всѣмъ дѣла челоуѣколюбія и справедливости (Мѣ. 5, 42). Зная теперь, братіе, въ какихъ отношеніяхъ должны быть пасомые къ своимъ пастырямъ и церкви, старайтесь исполнять свои обязанности, какъ къ пастырямъ, такъ и къ прочимъ членамъ церкви. Тогда истинный Пастырь душъ нашихъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ признаетъ васъ за Своихъ овецъ и животъ вѣчный дастъ вамъ. Аминь.

Къ исторіи церковно-приходской жизни Лѣвобережной Украины въ 18 вѣкѣ ¹⁾.

16-й и 17-й вѣка, пора интенсивнаго религіозно-національнаго и культурнаго движенія въ малороссійскомъ народѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ были временемъ наибольшаго расцвѣта церковно-приходской жизни Малороссіи. Борьба за вѣру вызвала и развила въ народѣ живой интересъ къ вопросамъ церковнымъ; создались и зажили кипучей жизнью церковныя братства и приходскія организаціи. Разные слои украинскаго общества, тогда еще рѣзко не разслоившагося на сословія, сплотились по приходамъ—вокругъ своихъ приходскихъ храмовъ—въ приходскія общины, изъ которыхъ каждая была объединена общими интересами всѣхъ своихъ членовъ, видѣвшихъ въ приходѣ живое цѣлое. Жизнь этихъ приходскихъ общинъ была разносторонняя, многообразна и плодотворна. Въ западной Малороссіи, гдѣ отеческой вѣрѣ малороссовъ угрожало больше опасности, приходскія общины стали работать раньше и дружиѣе. Однако и Лѣвобережная Украина, хотя и менѣе задѣтая борьбой православія съ уніей, принимала живое участіе въ общемалороссійской жизни того времени и была сильно взволнована общенароднымъ религіозно-культурнымъ движеніемъ эпохи. По сю сторону Днѣпра, подобно тому какъ и по ту, церковно-приходская жизнь достигла своего высокаго процвѣтанія уже въ первой половинѣ 17 вѣка. Но это былъ зенитальный пунктъ, вслѣдъ за которымъ скоро началось движеніе къ западу.

Эпоха „руины“, падающая собственно на 60-е и 70-е годы 17 вѣка, была переломомъ въ жизни всей Малороссіи. Пролитшіеся въ эту эпоху потоки малороссійской крови и долго и ярко горѣвшее на Украинѣ зарево пожаровъ малороссійскихъ городовъ, селъ и деревень сильно ослабили народъ физически и утомили его морально, надломивъ его энергію. Послѣ „руины“ жизнь Малороссіи стала замирать. Стало мѣняться политическое положеніе страны, сильнѣе и рѣзче стала проявляться сословная рознь и борьба ²⁾. Ослабленіе народной энергіи и усиленіе въ народѣ классовой

¹⁾ Читано въ засѣданіи Полтавскою ученою архивною комиссіи 28 мая.

²⁾ Объ этомъ подробнѣе см. въ нашей статьѣ „Конецъ старой Малороссіи“ въ ноябрь—декабр. кн. „Кіевск. Старины“ 1905 г. и отд. отт.

Ты всегда твердилъ, что такія просьбы претятъ всему складу Твоего духа, и когда, не такъ давно, одинъ изъ со служивцевъ Твоихъ выразился, что мы недавно принуждены были служить одной системѣ, а сейчасъ, можетъ, придется служить другой, Ты, возмущившись всей душой, заявилъ, что никогда не былъ и не будешь поденщикомъ, что всегда служилъ лишь своей идеѣ учительскаго долга, а не чуждымъ Твоему духу системамъ. Живо вспоминаются всѣ эти рѣчи Твои; живо всплываютъ въ душѣ эти черты Твоего нравственнаго облика, и не мирится душа съ твоимъ мертвеннымъ покоемъ, не хочется вѣрить, что нѣтъ больше съ нами въ Твоемъ лицѣ живого носителя этой идеи. Пораженная неумолимою смертию, Твоя рука дрогнула, и знамя этой идеи выпало изъ нея. Но вѣдь, дорогой, оно не упадетъ на землю, ибо глубоко напечатлѣлось въ душѣ нашей эта сторона твоего нравственнаго образа; мы поднимаемъ это знамя своими слабыми руками высоко къ небу и будемъ нести его впередъ, пока хватитъ нашихъ силъ; мы начертаемъ на немъ и слова молитвы нашей Богу о душѣ Твоей и будемъ вѣрить, что ихъ узритъ Всеблагій Творецъ и упокоитъ душу Твою тамъ, гдѣ нѣтъ ни скорбей ни болѣзней!

Ан. Колесниковъ.

Р Ъ Ч Ъ,

сказанная надъ гробомъ В. П. Ковалевскаго послѣ пѣнія
„Непорочныхъ“ на отпѣваніи тѣла усопшаго.

Глубоко-чтимый и незабвенный Нашъ Наставникъ.

Мы собрались здѣсь, чтобы помолиться о Васъ и сказать Вамъ наше послѣднее „прости“.

Могли ли мы думать, что смерть такъ скоро похититъ отъ насъ лучшаго преподавателя! Еще такъ недавно, не совѣмъ оправившись отъ болѣзни, не щадя себя, Вы явились къ намъ въ классъ чтобы продолжать прерванные заня-

тія. Съ какимъ усердіемъ Вы старались сообщить намъ новыя для насъ знанія, а мы, слушая Васъ, внимательно, радуясь благополучному исходу Вашей болѣзни, и не подозревали, что видимъ Васъ въ послѣдній разъ.

Не хочется вѣрить, что Вы ушли отъ насъ навсегда; да и не ушли Вы, дорогой Василій Павловичъ! Пока мы живы, — Вы съ нами. Мы, правда, Васъ не увидимъ, но то, чему Вы насъ научили, останется въ насъ и послужитъ намъ утѣшеніемъ и руководствомъ въ нашей дальнѣйшей жизни. Вы, сообщая намъ знанія по своему предмету, въ то же время, и словомъ и примѣромъ учили насъ честно исполнять свой долгъ, добросовѣстно „относиться къ дѣлу и трудиться. „Жизнь“, говорили Вы, „есть трудъ, и только трудъ ведетъ къ прогрессу, а отсутствіе труда, — бездѣйствіе смерть!“ Наше нерадѣніе невниманіе на урокахъ, наша лѣнь Васъ огорчали и раздражали. Вы и сами были высокимъ образцемъ труда и терпѣнія. При объясненіи уроковъ, Вы старались добиться того, чтобы каждая изъ насъ вполне поняла объясняемое, и потому не ставили себѣ въ трудъ и по нѣсколько разъ повторять одно и то же, если мы не понимали. Эти уроки связали насъ съ Вами неразрывно; мы не забудемъ ихъ и приносимъ Вамъ за нихъ глубокую благодарность, и просимъ молиться за насъ предъ престоломъ Всевышняго!

Миръ праху Твоему, дорогой учитель!

Воспитанница VI класса I отд. *Лехницкая.*

Р Ѣ Ч Ъ,

сказанная надъ гробомъ В. П. Ковалевскаго на отпѣваніи тѣла передъ пѣніемъ: „Со святыми упокой“...

Незабвенный и дорогой Нашъ учитель!

Вѣсть о Твоей смерти сильно поразила насъ: еще такъ недавно Ты былъ съ нами; не смотря на плохое здоровье, не оставлялъ насъ и начатаго дѣла! Лучшіе годы своей жизни, силы и знанія Ты посвятилъ труду на нашу пользу.

Чѣмъ же мы отблагодаримъ Тебя, дорогой Василій Павловичъ?—Нѣтъ словъ, какими можно было бы выразить Тебѣ ту благодарность, которую чувствуетъ каждая изъ насъ. Сознаніе, что Ты навсегда оставилъ насъ, наполняетъ наши сердца глубокой грустью; и повѣрь, дорогой наставникъ, что эта грусть долго будетъ жить въ нашихъ сердцахъ, вмѣстѣ съ доброй памятью о Тебѣ. Считаая своею обязанностью хоть немного отблагодарить Тебя за то добро, которое ты сдѣлалъ намъ, мы собрались сюда отдать Тебѣ послѣдній долгъ и сказать послѣднее „прости“! Отъ себя и отъ лица всѣхъ воспитанницъ могу сказать одно: спасибо Тебѣ, дорогой Василій Павловичъ!

Да будетъ миръ праху Твоему!

Воспитанница VI класса II отд., *Вѣра Куцъ*.

Р Ѣ Ч Ъ,

сказанная при погребеніи В. П. Ковалевскаго послѣ 3-ей пѣсни.

*Лазарь, другъ нашъ, успе
но иду да возбужу его (Іоан.
XI, 12). Сказалъ Хр. уче-
никамъ своимъ.*

Дорогой товарищъ Василій Павловичъ!

Я принесъ тебѣ послѣднее прости съ той нивы, гдѣ сѣялъ ты вѣчное разумное мало не четверть вѣка, принесъ его отъ товарищей и сослуживицъ, пораженныхъ твоимъ неожиданнымъ, чрезвычайнымъ отшествіемъ въ тотъ свѣтлый міръ, гдѣ нѣтъ болѣзней, печали и вздыханія...

Твой образъ живой и ясный предъ нами стоитъ, какъ яркій лучъ. Думается мнѣ, что никто изъ твоихъ коллегъ никогда не забудетъ тебя здѣсь, въ этой жизни. Слишкомъ уже ты самоопредѣлялся и отличался отъ всѣхъ насъ своею прямолинейностью и любовью къ правдѣ... Ты всегда шелъ прямымъ, а не окольными путями, и бралъ силою своего правдиваго и властнаго ума то, чего домогался. Можетъ быть иногда въ своихъ стремленіяхъ, какъ человекъ, ты ошибался, но ты былъ честнымъ бойцомъ за свою идею, ты

716

обожалъ ее, какъ продуктъ работы своего мозга и тратилъ всю свою энергію для отстаиванія ея во чтобы то ни стало. Все, что выходило изъ твоихъ устъ всегда вытекало изъ сердца, а не по какимъ нибудь побужденіямъ привнесеннымъ со стороны.

И сила твоего духа останется живо въ нашей памяти навсегда, запечатлѣнная характерными чертами честности и правды.

Смѣю ли я поставить эту цѣлость твоего характера тебѣ въ похвалу или вину среди обстоятельствъ твоей жизни.

Но эта сила духа, стойкость убѣжденій твоихъ, какъ доброе зерно посеяно тобой на нашей нивѣ и между нами она живетъ уже... Да ты живой между нами!..

Дорогой Василій Павловичъ! Вотъ мы видимъ твое тѣло въ послѣдній разъ; еще немного, и его не станетъ: его скроетъ могильный холмикъ, оно предастся обычному тлѣнію. И ничего въ этомъ для насъ нѣтъ удивительнаго—всѣхъ насъ ждетъ таже участь.

Но нашъ духъ не мирится съ этимъ, въ наши понятія не укладывается смѣна живого на это мертвое, инертное, тлѣющее тѣло... Нашъ духъ возмущается и требуетъ, чтобы ты былъ живъ.

Да, дорогой товарищъ, ты живъ, но спишь.

Послѣ тебя остались твои дѣла, на нихъ отразилась сила твоего ума, работа духа честнаго и самостоятельнаго. Мы всѣ это знаемъ.

Пенсія для служащихъ Полтавскаго Епархіальнаго Женскаго училища, созданная при неусыпномъ твоёмъ содѣйствіи нашей общей работѣ, новый корпусъ училища, много хорошихъ началъ, заложенныхъ тобой въ нашей училищной жизни, всѣ эти дѣла твои говорятъ намъ, что ты живъ и остаешься между нами. Да, ты живой для насъ, хотя и спишь сномъ смерти.

Дорогой Василій Павловичъ! Ты не любилъ красивыхъ фразъ, но ты всегда любилъ красоту дѣла, ты преклонялся предъ благородствомъ людскихъ поступковъ, точно также какъ восторгался красотой цвѣтовъ. Мнѣ помнится, ты не

разъ говариваль объ одномъ изъ свѣтилъ присяжной адвокатуры, кажется князь Урусовъ, какъ послѣдній однажды съ гордостью сказалъ желавшему купить у него роскошные комнатные цвѣты: „цвѣты краснорѣчія я продаваль, но „своихъ цвѣтовъ“ никогда и никому.

Ты тоже цвѣтовъ своей души не продаваль и былъ вѣренъ себѣ. Теперь вотъ съ тобой идутъ къ могилѣ отъ твоихъ товарищей и сослуживицъ цвѣты, какъ вещественная эмблема невестественныхъ цвѣтовъ. Они твои и, мы вѣримъ; что ты живой предъ живыми цвѣтами дѣль твоихъ.

Дорогой Василій Павловичъ! О если бы ты могъ отвѣтить мнѣ хоть одно слово! Я знаю, что сказалъ бы ты: зачѣмъ говорить мнѣ живъ, если я уже мертвъ. Но такова сущность истинно христіанской смерти: „сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное“ (Коринѣ. XV, 42), т. е. со смертію твоего тѣла начинается жизнь твоего духа. Да ты живой для насъ. Но мы здѣсь, а ты уже тамъ. Но будетъ день, когда этого разстоянія между тобою и нами не будетъ совершенно, когда всѣ мы воскреснемъ въ послѣдній день.

Нынѣ же, дорогой товарищъ, ты опередилъ насъ явленіемъ въ свѣтлыя обители Отца небеснаго въ полномъ единеніи со Христомъ; прости же насъ за все то, чѣмъ мы тебя оскорбили или опечалили. Прости... Прости... Прости намъ. Прости и мнѣ твоему младшему товарищу, болѣе всего боявшемуся сказать тебѣ похвалу, которой ты не любилъ, прости мнѣ за то, что я не остерегся, и кажется сплелъ тебѣ вѣнокъ помимо своей воли по примѣру всѣхъ, украсившихъ и послѣднее твое ложе и послѣднюю минуту присутствія твоего брэннаго тѣла среди насъ. Прости, Прости!...

Александръ Андрущенко.

Р Ъ Ч Ь,

у гроба В. П. Ковалевскаго, сказанная передъ пѣніемъ „Придите послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему“.

*Дорогой Василій Павловичъ, старшій собратъ на нивѣ
общаго нашего труда!*

Передъ Тобой открылась новая жизнь. Неожиданно, съ поражающей быстротою собрался ты въ новый путь... Еще нѣсколько мгновеній—и Твой образъ навсегда исчезнетъ съ поля нашего зрѣнія. Постой же, погоди хоть на мгновенье! Дай душу облегчить послѣднею бесѣдою съ Тобой! Правда я подхожу къ Тебѣ не съ прежнимъ вопросомъ: „Что новаго читали, Василій Павловичъ! Не съ обычнымъ восклицаніемъ: „А знаете ли что пишутъ?—Нѣтъ не та обстановка, не тѣ обстоятельства: закрылись Твои вопрошавшіе глаза; не слышится Твоя умная рѣчь... Я за другимъ пришелъ; я пришелъ сказать Тебѣ уходящему отъ насъ послѣднее „прости“; я пришелъ къ Тебѣ еще разъ чтобы здѣсь у Твоего гроба, привести на память себѣ и всѣмъ, Тебя окружающимъ, завѣты Твоей жизни, Твоего возвышеннаго нравственнаго міросозерцанія; я пришелъ сюда, чтобы навсегда запечатлѣть Твой прекрасный образъ!

Дохнула буря—и тѣло Твое угасло, Но духъ Твой, духъ творческій дѣятельный, живъ въ оставшейся за Тобою дѣятельности; она, эта дѣятельность, прощальный даръ твоей любви къ намъ, дорогой даръ, ибо онъ ярко отмѣчаетъ славные пути Твоей жизни, Твоего труда; пути, которыми Ты самъ шелъ, и которые будили у насъ, Твоихъ сослуживцевъ, благородныя стремленія, святые порывы!

Василій Павловичъ! Ты носилъ въ себѣ частицу того великаго свѣта, который, по апостолу, не „тьма бысть“, и ярко горѣла Твоя лампада на нашемъ небосклонѣ...

Скромный въ своихъ словахъ—Ты слишкомъ замѣтенъ былъ на дѣлѣ.

Поклонникъ истинно—культурнаго прогресса во всемъ и вездѣ; искренній сторонникъ опредѣленныхъ убѣжденій, которыя такъ энергично проводилъ въ жизнь—Ты былъ въ

высшей степени терпимъ къ мысли други хъ. Сердечный, чуткій ко всему хорошему, честному, живому, Ты и въ хаосъ современной жизни умѣлъ находить дѣйствительно цѣнное, дѣйствительно живое, — и охотно дѣлился своимъ знаніемъ и опытомъ какъ съ учащимися, такъ и съ товарищами — сослуживцами: гдѣ Василій Павловичъ, тамъ и принципиальный, широко захватывающій вниманіе разговоръ, споръ... И не разъ и не одинъ изъ сослуживцевъ шелъ къ Тебѣ въ затруднительныхъ случаяхъ — и простое, твое умное слово, а то и само отъ сердца идущее дѣло было всегда готово къ услугамъ обращавагося.

Василій Павловичъ! Не вѣрится, что Тебя уже нѣтъ, такъ сильно обаяніе Твоей дѣятельной личности!

Полагая основу плодотворнаго развитія лучшихъ чело-вѣческихъ чувствъ и дѣлъ въ глубочайшемъ сочетаніи знанія и вѣры теоріи и практики, Ты несъ жизнь въ школу и школу приобщалъ къ жизни. Вотъ почему, Твоя простая, но логически-сильная, точная рѣчь будила у твоихъ учениковъ вниманіе къ излагаемому матеріалу, находила дружный откликъ; а Твое уваженіе и поклоненіе гуманнѣйшимъ началамъ воспитанія подростающаго поколѣнія наполняло ихъ чувствомъ глубокой симпатіи къ Тебѣ, чувствомъ любви! Онѣ здѣсь предъ тобою, и выраженіе ихъ глазъ — лучшее свидѣтельство правдивости моихъ словъ.

А какъ любилъ Ты дѣтей, своихъ дѣтей, свою семью!

Но... лампада Твоя догорѣла... Не по не достатку въ ней елѣя, нѣтъ! То въ высшемъ суждено Совѣтъ, то воля Неба! У тебя же до самой послѣдней минуты духъ былъ бодръ и горѣлъ въ тебѣ пламенемъ свѣтлаго ума и честныхъ стремленій. До послѣдняго момента, до изнеможенія силъ трудился Ты, пока роковая болѣзнь не свела тебя съ трудовой борозды...

Прощай же, дорогой! отъ имени меньшаго поколѣнія твоихъ сослуживцевъ приношу тебѣ поклонъ, поклонъ любви, благодарности, почтенія! Въ твоемъ лицѣ я кланяюсь труду чело-вѣческому, величію энергіи чело-вѣка; тому, что, есть свѣтлаго, хорошаго въ чело-вѣкѣ!

Твой образъ, вѣрю я, навсегда сохранится въ памяти знавшихъ Тебя поближе.

Прощай же хорошій чело-вѣкъ!

Н. Фіалковскій.

Р Ъ Ч Ъ,

Преосвященнѣйшаго Іоанна, Епископа Полтавскаго и Переяславскаго, сказанная у гроба В. П. Ковалевскаго передъ пѣніемъ «Вѣчная память»

*Счастливый, тебѣ путь, собратъ нашъ, рабъ Божій
Василій!*

Не много времени пришлось мнѣ знать тебя, всего около двухъ лѣтъ, но и за это непродолжительное время я имѣлъ возможность увидѣть, насколько твоя дѣятельность была свѣтоносна и плодотворна. Твои сослуживцы и твои воспитанницы сейчасъ говорили о твоихъ добрыхъ качествахъ, какъ преподавателя и какъ сотоварища. Мнѣ пришлось видѣть тебя наиболѣе только какъ великаго труженника въ дѣлѣ училищныхъ построекъ. Это было лѣтомъ въ первый годъ моего здѣсь пребыванія. По волѣ начальства на тебя возложено было тяжелое бремя председателя строительнаго комитета по расширенію училищныхъ зданій. И вотъ въ то время, когда сослуживцы твои отдыхали, пользуясь каникулярнымъ временемъ, столь дорогимъ въ учительской изнурительной работѣ, ты весь отдавался труду, слѣдя за постройками, прилагая всѣ силы своего знанія, старанья и умѣнья къ тому, чтобы устроить все возможно лучше и совершеннѣе при помощи новѣйшихъ указаній строительнаго искусства; и мнѣ при неоднократномъ посѣщеніи построекъ приходилось всегда лично видѣть и убѣждаться въ томъ, насколько каждая подробность въ постройкѣ занимала тебя и заботила. Но это не самое главное. Къ тяжелому и неустанному труду присоединялась тяжелая и неусыпная забота. Вызываемая неотложными нуждами потребностей школы и общежитія постройка неизбѣжно далеко перешла предѣлы назначенныхъ средствъ на нее, и создалось безысходное положеніе -- на свой страхъ продолжать постройку и въ то же время изыскивать средства на нее при тревожномъ чувствѣ великой отвѣтственности за дѣло риска. Я глубоко сознаю это мучительное состояніе отвѣтственности и страха, которое переживалъ почившій... И путь его за это дѣло былъ покрытъ терніями. Съ покорностью, свидѣтельствующей о величій нравственнаго духа, и съ христіанскимъ

терпѣніемъ пошелъ почившій по этимъ терніямъ. Уповаемъ, что Господь въ Своемъ милосердіи приметъ этотъ подвигъ терпѣнія и внутренняго страданія во очищеніе грѣховъ усопшаго и, открывая ему путь къ небесному жилищу, приметъ подъ свой небесный покровъ и оставляемую имъ на землѣ безъ своего попеченія семью его. Здѣсь при гробѣ было высказано, что лампада его догорѣла. Я выскажусь нѣсколько иначе: тѣло, земная храмина разрушилась а духъ, жившій въ этой хранилѣ, не погасъ. Отрѣшенный отъ земнаго жилища, онъ съ своими неугасимыми стремленіями вознесся къ Престолу Небеснаго Царя, чтобы гамъ пламенѣть въ чаяніи всеобщаго воскресенія и соединенія съ обновленнымъ по возстаніи тѣломъ для будущей жизни. Путь изъ этой жизни Вы почившему углаждаете своими слезами и цвѣтами, свидѣтельствующими о добродѣтеляхъ почившаго; и церковь поетъ ему: *блаженъ путь, въ онъ же идши днесъ, душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія.*

Да приметъ же Господь благоволительно и слезы Ваши и цвѣты Ваши, какъ искреннее выраженіе Вашихъ молитвенныхъ благожеланій усопшему, и да упокоитъ его въ небесныхъ своихъ обителяхъ. Прими, почившій, и мое искреннее молитвенное благопожеланіе и съ тѣмъ вмѣстѣ глубокій благодарный поклонъ за тѣ труды и работы, которыя ты съ такою осторожностью исполнялъ по моимъ тебѣ порученіямъ.

Епископъ Іоаннъ.

Р Ъ Ч Ъ,

у могилы В. П. Ковалевскаго, сказанная послѣ того, какъ опустили гробъ.

Умеръ дорогой Василій Певловичъ, полный силъ, здоровья и энергіи!.. Смерть застала его врасплохъ, на поприщѣ великаго служенія обществу. Вамъ, В. П., предстояло широкое поле труда, которое Вы должны были сначала взрыхлить, а потомъ засеять. Вы честно прошли свой жизненный благородный путь! Ваша неожиданная смерть глубоко потрясла наши юношескія сердца! Думали ли мы

когда вы явились къ намъ въ классъ въ новомъ году, что вторичная болѣзнь безжалостно отыметъ у насъ горячо любимаго учителя? Думали ли мы, что подъ конецъ учебнаго года, когда намъ осталось побыть въ стѣнахъ школы нѣсколько мѣсяцевъ, намъ придется лишиться такого незамѣнимаго преподавателя? Давно ли это было, когда мы съ трепетающими сердцами ожидали Вашего прихода? Какъ сейчасъ вижу Васъ идущаго по корридолу своей тихой, ровной и спокойной походкой; затѣмъ въ классъ Ваше неизмѣнное: „здравствуйте!“ съ едва замѣтной ласковой улыбкой. Мы боялись Васъ, но боязнію не рабской; мы Васъ любили; мы пугались одной мысли обидѣть Васъ, зная что, раздраживши Васъ, мы не услышимъ тѣхъ теплыхъ ласкающихъ словъ, которыя такъ глубоко западали въ наши сердца. А этихъ словъ было не мало! Сколько свѣтлыхъ и счастливыхъ минутъ мы переживали во время Вашихъ уроковъ! За это Вамъ наше дѣтское, сердечное спасибо! Не одну изъ насъ Вы часто заставляли думать надъ тѣмъ, къ чему мы прежде относились равнодушно, безсознательно! Каждый Вашъ урокъ оставлялъ за собой рядъ, болѣе или менѣе живыхъ вопросовъ, надъ которыми такъ часто и усиленно мы работали, и которые вызывали горячіе, юношескіе споры. Въ свои занятія Вы влагали душу. Съ какимъ вниманіемъ мы слушали Васъ! Мы забывали все и всецѣло погружались въ разборъ сказаннаго Вами. Ваша строгость по отношенію къ намъ не тяготила насъ. Мы знали что это не та жалко-казенная строгость, которая такъ знакома намъ, а строгость, полная отеческой любви и ласки! Дорогой незабвенный В. П., какъ же быть? Съ кѣмъ останемся мы? Кто достойный замѣститъ Ваше мѣсто? Вы оставили насъ на полъ—пути; Вы только начали открывать намъ великія истинныя своего предмета, который такъ интересовалъ насъ своею жизненностію. Боже, Какъ мимолетна жизнь человѣка! „Сегодня Богъ, а завтра прахъ; сегодня льститъ надежда лестна, а завтра—гдѣ ты человѣкъ?“ такъ сказалъ Державинъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали дорогого В. П., и что же видимъ? Онъ дѣлается жертвой всепоглощающей, ужасной, никого и ничего и ничего на своемъ пути не щадящей смерти! Въмѣсто того, чтобы Вы пришли къ намъ, являемся мы поклониться Вашему дорогому для насъ праху. Часто своею невнима-

тельностью мы раздражали Васъ, но это было безсознательно, въ этомъ мы искренне раскаиваемся: простите, простите, дорогой! Смутно вѣрится, что мы собрались сюда сказать Вамъ послѣднее прощанье, дорогой и незабвенный учитель! Вы были зарей нашей сѣренькой жизни!

Воспитан. IV клас. III отд.

А. Коваленко

МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ.

II. Въ виду ожидаемыхъ для духовенства реформъ.

Роковая отчужденность отъ мыслящей части общества, борьба изъ-за куска насущнаго хлѣба, скучное прозябаніе въ средѣ невѣжественнаго населенія деревни, отъ котораго къ тому же всегда и зависишь (которое, какъ каждый изъ насъ это чувствуетъ, контролируетъ всякій твой мигъ, толкуя вкривь и вкосъ каждое произнесенное слово), — вотъ тѣ данныя, перспектива которыхъ отбиваетъ охоту надѣвать рясу у многихъ изъ питомцевъ духовной школы. Всякій, кто хоть какую-нибудь имѣетъ возможность уклониться отъ „чаши сей“ идетъ въ высшее учебное заведеніе, поступаетъ на свѣтскую службу или же до десятка лѣтъ тянетъ лямку народнаго учителя, не рѣшаясь вступить на тотъ путь, съ котораго уже нѣтъ возврата. Такимъ образомъ, въ средѣ нашего сословія остаются только наименѣ энергичные, пожалуй, наименѣ даровитые, или же тѣ, которымъ въ силу особыхъ обстоятельствъ (напр., поддержка малолѣтнихъ членовъ семьи) необходимо поскорѣе найти себѣ хотя сколько-нибудь обезпеченное положеніе. Кажется, около трехъ десятилѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ семинаристы толпами тѣснились въ стѣны свѣтскихъ учебныхъ заведеній, и вотъ въ нынѣшнее время повторяется тоже самое. До наглядности очевидно, что полженіе сельскаго пастыря для нынѣшнихъ юношей, прошедшихъ курсъ духовной школы, во многихъ отношеніяхъ не представляется заманчивымъ.

Съ другой стороны, прислушайтесь къ голосу общества, исполнѣ ли оно довольно нашимъ духовнымъ руководствомъ? Стало уже общепризнанной истиной, что „интелли-

генція“ отшатнулась отъ церкви, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ сословія, которое представляетъ изъ себя служителей церкви. Что же касается миллионовъ народной массы, то въ глубинѣ души простаго народа крѣпко держится еще религіозность и твердая увѣренность въ томъ, что безъ вѣры, безъ „Бога“ ни семья, ни общественная жизнь не можетъ имѣть авторитетныхъ, устойчивыхъ базисовъ. Но незамѣчаемъ ли мы, что чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и въ низшихъ сословіяхъ замѣчается индифферентность въ религіозномъ отношеніи и болѣе чѣмъ желательное освобожденіе отъ традицій какъ личной, такъ и общественной нравственности? Распространеніе сектантства, все болѣе усиливающееся увлеченіе рабочей массы крайними социалистическими теоріями, — наглядный и неопровержимый указатель постепеннаго уклоненія народа на сторону противоположную господствующему вѣроисповѣданію. Авторитетъ священника падаетъ, и не на нашихъ ли глазахъ совершаются такія полныя, можно сказать, трагизма явленія: какой-нибудь недоросль пропагандою крайнихъ политическихъ ученій увлекаетъ за собою массу, а священникъ живущій въ томъ же селѣ уже десятки лѣтъ, ничего не можетъ подѣлать; его не слушаютъ, противъ него—всѣ, егс, наконецъ, бойкотируютъ.

Дальше идти уже некуда, раздаются голоса. Да, дѣйствительно, дальше по этому пути намъ нельзя идти. Но сознаніе того, что мы шли не тѣмъ, что слѣдовало, путемъ, не должно вселять въ насъ унынія. Пусть искреннее сознаніе ошибокъ заставитъ насъ внимательнѣе взглянуть въ свое дѣло и съ энергіей искать тѣхъ путей, идя которыми, мы получили бы возможность наилучшаго воздѣйствія на свою паству; подняли бы какъ внѣшій престижъ, такъ и самосознаніе.

Какъ на первый разъ ни кажется удивительнымъ, но наружный видъ человѣка, его манеры, обстановка, въ которой онъ живетъ, однимъ словомъ, внѣшность, имѣетъ большое значеніе въ глазахъ окружающаго общества. Не даромъ сложилась пословица: „по одеждѣ (человѣка) встрѣчаютъ“... Хотя дальше и прибавлено: „по уму провожаютъ“, но часто ли бываетъ возможно при первой же встрѣчѣ вы-

сказать свой „умъ“! Да не всегда это является и умѣстнымъ. Поэтому часто первое впечатлѣніе, по большей части основанное на внѣшности и манерахъ человѣка, остается рѣшающимъ, окончательнымъ.

Въ этомъ отношеніи наше сословіе поставлено въ невыгодныя условія. Традиціонный, освященный вѣками и обычаемъ костюмъ священнослужителя очень рѣзко выдѣляетъ его изъ окружающей толпы. Надо быть щепетильно—внимательнымъ, чтобы недосмотромъ въ какой-либо мелочи костюма не обратить на себя всеобщаго вниманія. И вотъ мы замѣчаемъ, что на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ и прочихъ мѣстахъ общественныхъ собраній рясы пугливо жмутся къ стѣнѣ или же прячутся въ уголокъ, дабы не быть предметомъ безцеремонно любопытнаго созерцанія. Не разъ уже наши собратія, испытавшіе на практикѣ стѣснительность широкихъ рукавовъ и пышныхъ „воскрилій“, возбуждали ходатайства о предоставленіи имъ нѣкоторой свободы въ выборѣ себѣ одежды. Но ревностные сторонники традицій въ отношеніи внѣшности священно-служителей съ проницательностію, достойной лучшей участи, всегда въ такихъ случаяхъ замѣчаютъ: „Не для того ли молодые священники такъ домогаются свѣтской одежды, чтобы можно было свободно посѣщать театръ“?

Когда я слышу такія не безъ ехидства высказываемыя догадки, то мнѣ всегда вспоминается моя старушка мать. Когда бывало спрашивали, отчего ея не учили въ дѣтствѣ (такъ она и осталась на всю жизнь безграмотною), то къ своему удивленію приходилось услышать слѣдующее: „въ старину полагали, что дѣвицамъ грамота не только бесполезна, но прямо даже вредна, такъ какъ грамотная пожалуй еще заведетъ переписку съ молодыми людьми“... подобнаго же рода логическимъ приѣмомъ пользуются ревнители старины въ защиту своего мнѣнія: они не стараются вдуматься въ самую суть вопроса, мало думаютъ о томъ, насколько канонически обоснованы традиціи внѣшняго вида священно-служителей, а больше заняты опасеніями, не будетъ ли злоупотребленій, если „дать свободу“. О *sancta simplicitas!* Какъ и самая неграмотная дѣвица при желаніи можетъ провести своихъ аргусовъ, такъ и особенности внѣшняго вида священно-служителей не предохранятъ че-

ловѣка отъ несвойственныхъ его сану развлеченій, если въ душѣ его имѣть мотивовъ высшаго калибра.

Что же въ такомъ случаѣ остается отъ всѣхъ тѣхъ данныхъ, на которыхъ желаютъ утвердиться противники всякихъ новшествъ? Остается только то, чего въ изобиліи имѣется во всемъ укладѣ быта нашего духовенства: остается стремленіе сохранить въ чистотѣ обликъ, форму, охраняя это несущественное, какъ святыню. Но грядетъ уже часъ, когда отъ нашего служенія будетъ требоваться больше проникновенія въ „духъ“, идею; тогда уже не будетъ считаться главною добродѣтелью вѣрность буквѣ „Моисеева“ закона. Что же касается въ частности трактуемаго вопроса объ одеждѣ священно-служителей, то позволяемъ себѣ надѣяться, что предоставленіе духовнымъ лицамъ нѣкоторой свободы въ этомъ отношеніи есть только вопросъ времени. Не даромъ даже въ отзывахъ Преосвященныхъ (миѣніе Архіепископа Воронежскаго Иеронима) мы встрѣчаемъ „либеральныя“ мысли на этотъ счетъ.

Не тѣмъ ли же похвальнымъ желаніемъ—не отступать отъ завѣтовъ старины объясняется не прекращающая и до днесь своего существованія, въ высшей степени стѣснительная и принижающая идею высокаго служенія практика сдѣльнаго вознагражденія духовенства? По крайней мѣрѣ въ учебникахъ (практическое руководство для пастырей Нечаева) даже и до сихъ поръ проводится взглядъ на этотъ анахронизмъ, какъ на учрежденіе чуть ли не апостольское. И вотъ въ то время, когда нынѣшній пастырь въ своей дѣятельности по рукамъ и ногамъ спеленать *проплатимъ* денежнымъ вопросомъ, когда ему приходится краснѣть чуть ли не при каждомъ исправленіи прямыхъ своихъ обязанностей, тогда въ утѣшеніе ему должны приходиться такого рода благочестныя соображенія: такъ велось съ самыхъ стародавнихъ временъ; и св. отцы жили, не имѣя дневнаго пропитанія, туне пріесте, туне дадите...

Только постоянный житель деревни можетъ понять, что жизнь въ деревнѣ имѣетъ свои очень крупныя неудобства, которыя едва ли искупаются прелестію близости, единенія

съ природой. Житель города, пробывъ на дачѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда природа, такъ сказать, показываетъ себя съ лучшей стороны, не можетъ составить себѣ понятія о тѣхъ трудностяхъ, съ какими для интеллигента сопряжено постоянное пребываніе въ деревнѣ среди некультурнаго общества. Пусть попробуетъ горожанинъ прожить зиму цѣлую въ глухой, засыпанной снѣгомъ деревушкѣ, не видя изъ числа *интеллигенціи* никого, кромѣ какого-нибудь сельскаго писаря или же полуграмотнаго церковнаго старосты. Или же попробуйте скоротать скучную осень, когда невылазная грязь по мѣсяцамъ не допускаетъ васъ добраться до ближайшаго города, когда „свѣжіе“ нумера газетъ получаютъ разомъ за весь прошедшій мѣсяць, а въ остальное время приходится слушать мелодію завывающаго вѣтра или хлещущаго дождя. . И никакого разумнаго развлеченія, ни одного свѣжаго лица!

Излюбленнымъ мотивомъ свѣтскихъ писателей при изображеніи ими духовнаго быта являются бросаемые ими по адресу духовенства упреки въ грубости, отсталости отъ вѣка, неразвитости. Не беремся защищать себя отъ подобныхъ упрековъ, даже и не отрицаемъ справедливости ихъ, но позволимъ себѣ спросить только слѣдующее; помѣстите человѣка культурнаго въ тѣ условія, въ которыхъ проводить сельское духовенство всю свою жизнь, что останется у него отъ утонченно изысканныхъ манеръ; и душа его, хотя быть можетъ, и сохранившая внутри отзывчивость ко всему прекрасному, не покроется ли она броней наружной черствости? Да духовенство, въ особенности сельское, по выѣшности грубо; но цѣною чего потерянъ для него наружный лоскъ и изысканность манеръ свѣтскаго человѣка? Цѣною всевозможныхъ трудностей жизни среди невѣжественной массы, почти апостольскаго подвига просвѣщенія темной деревни, изъ которой бѣжить все культурное, всякій интеллигентъ, всякій чиновникъ. Не будьте же такъ высокомерны къ исконнымъ просвѣтителямъ деревни вы, которые не испили отъ чаши сей: это все равно, какъ если бы отказались пожать руку честнаго, работающаго на васъ земледѣльца только потому, что эта рука — вся въ мозоляхъ.

Невозможныя условія, которыми со внѣшней стороны обставлена жизнь сельскаго духовенства, не служатъ ли они

причиною той отчужденности, которая замѣчается между причтами отдѣльныхъ приходо́въ? Нѣтъ солидарности, нѣтъ сознанія того, что всѣ мы — члены хотя и громаднаго, но все-жъ таки одного и того же братства, нарушая интересы одного изъ членовъ котораго, мы тѣмъ самымъ дѣлаемъ подрывъ и другому. Не только причты разныхъ приходо́въ, но и члены одного и того же причта рѣдко находятся между собою въ мирѣ и согласіи (фактъ на столько повсемѣстно наблюдаемый, что онъ послужилъ причиною возникновенія не совсѣмъ лестной для насъ пословицы „о двухъ попахъ въ приходѣ*)“.

До послѣдняго времени практиковались у насъ съѣзды... только на храмовые праздники, да засѣданія за чайнымъ... столомъ. Но способствуютъ ли такого рода съѣзды и „засѣданія“ развитію солидарности во взглядахъ духовенства на свою дѣятельность и въ личныхъ отношеніяхъ ихъ между собою, — на это не можетъ быть другаго отвѣта, какъ только отрицательный.

Инымъ духомъ повѣяло отъ реформъ, имѣющихъ своею основой развитіе идеи соборности; таковы: расширеніе компетенціи епархіальныхъ и иныхъ съѣздовъ, выборное начало въ управленіи, развитіе дѣятельности благотворительныхъ совѣтовъ: Дай только Богъ, чтобъ эти реформы не остановились на полѣ пути!

Отчужденность замѣчается не только во взаимныхъ отношеніяхъ между членами духовенства. Нѣтъ и въ отношеніяхъ послѣдняго къ прихожанамъ, даже къ простому народу исчезла уже прежняя искренность, прямота, взаимное довѣріе. Причины этому общія, такъ сказать историческія (такъ какъ и самый фактъ измѣненія былыхъ патріархальныхъ отношеній сельскаго духовенства къ населенію въ официальные повсюду замѣчается). Одною изъ главныхъ причинъ такой отчужденности паствы отъ причта надо считать тотъ фактъ, что духовенство стоитъ въ сторонѣ отъ общественной жизни населенія. Духовное сословіе исполняетъ свои обязанности, ясно указанныя въ правилахъ, такъ сказать „ведетъ свою линію“. Прихожане же идутъ

*) Не играетъ ли главной роли въ числѣ причинъ, порождающихъ такое непріязненное отношеніе членовъ одного и того же причта между собою, тотъ же „освященный вѣками“ спотобъ вознагражденія духовенства?

хотя и не далеко отъ первыхъ, не все же по другой дорогѣ; не удивительно, что они не сходятся никакъ. Ибо и геометрическая формула гласитъ: двѣ параллельныя линіи, хотя бы расположенныя и въ ближайшемъ разстояніи одна отъ другой, никогда между собою не сходятся. Въ такомъ отсутствіи общности интересовъ между официальнымъ (если умѣстно это слово) духовенствомъ и остальнымъ населеніемъ и усматриваемъ мы корень отчужденности, холодности, разросшейся въ послѣднее время до взаимнаго недовѣрія. Много можно бы сдѣлать въ цѣляхъ сближенія духовенства съ обществомъ, разрѣшивъ первому участие во всякаго рода общественныхъ учрежденіяхъ.

Какъ нерѣдко это приходится замѣчать, молодые священники тяготятся нынѣ даже исправленіемъ прямыхъ своихъ обязанностей по той причинѣ, что между ними много мѣста отводится одному только исправленію требъ, выполненію обрядовъ. „Какъ мало въ дѣятельности духовенства чисто духовнаго“, слышалъ я недавно отъ одного свѣтскаго человѣка. И дѣйствительно, обряды православной церкви, дѣйствуя на чувство простаго народа, удовлетворяютъ его, но недостаточно они даютъ для пытливаго ума болѣе развитаго человѣка. Склонность простаго народа къ внѣшности, обрядамъ проявляетъ иногда себя въ странныхъ даже формахъ, и довольно тяжело даетъ себя чувствовать человѣку образованному. Такъ, напр., при совершеніи таинства вѣнчанія не вездѣ соблюдается установленный чинъ (напр., въ сельскихъ приходахъ обрученіе обыкновенно опускается), но попробуйте вы отказать молодымъ въ просьбѣ совершить надъ ними обрядъ „скрыванья“ (чинъ котораго теперь нигдѣ, ни въ какой книгѣ не найдете)—и вы возбудите противъ себя населеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ совершенно прекратилъ освященіе своихъ домовъ, такъ какъ молодые священники отказываются совершить практиковавшійся „за старыхъ батюшекъ“ обрядъ „панагій“ *).

*) Чинъ панагій въ нѣкоторыхъ селахъ совершается при такой обстановкѣ. Берутъ воздухъ, и священно-церковно-служители держатъ его за всѣ четыре конца. На воздухъ полагается икона, а сверхъ нея ставится сосудъ—гличикъ—съ „вареной“ (напитокъ, приготовленный изъ сухихъ овощей и слабо разведенный водкою). Сверхъ самаго гличыка возлагается хлѣбъ. И все это при возглашеніи многолѣтствія—„хотящимъ въ дому семь жити—воздвигается надъ преклонившими свои главы, хозяевамъ дома.

Въ виду всего вышесказаннаго, едва ли можно признать желательнымъ не только усиленіе обрядности въ нашей богослужебной практикѣ, но даже и оставленіе ее въ нынѣшнемъ ея состояніи. Развитіе обрядности не всегда соответствуетъ усилению благочестія; иногда бываетъ даже наоборотъ. И причина этому ясна: сосредоточивъ все свое вниманіе на внѣшней формѣ обряда, человекъ мало вникаетъ въ смыслъ его. Къ такому заключенію приходятъ многіе, какъ объ этомъ можно судить хоть и по матеріалу, имѣющему быть представленнымъ на предстоящій соборъ. Такъ, напр., нѣкоторые преосвященные въ отзывахъ своихъ высказываются за упрощеніе внѣшней обстановки богослуженія, за сокращеніе его чина и т. далѣе...

Сколько глубокихъ чаяній, свѣтлыхъ надеждъ возлагается на предстоящій помѣстный соборъ Россійской церкви! Да иначе и не можетъ быть: въ продолженіи двухъ слишкомъ столѣтій не раздавалось отсюда, свыше живаго слова, не видно было свѣтильника, стоящаго верху горы, а робкіе голоса снизу не смѣли туда доноситься... И сколько появилось больныхъ мѣстъ въ нашей церковно-общественной практикѣ, сколько накопилось матеріала, требующаго неотложнаго разрѣшенія.

Говорятъ, что простой народъ рѣшенія своей участи ждетъ отъ Думы, возлагая на нее всѣ свои надежды. Не меньшаго и мы для себя ожидаемъ отъ предстоящаго церковнаго собора. Отъ рѣшенія его зависитъ ускорить біеніе пульса церковно-общественной жизни, или же при неудачномъ проведеніи реформъ—совершенно заглушить его. Въ его рѣшеніяхъ—вся наша будущность, будущность нашей церкви.

Священникъ Г. *Филанскій*.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г.

На стр. № 693—7 № 15 „Пол. Еп. Вѣд.“ помѣщена моя статья съ опечатками, искажающими смыслъ. Заглавіе вмѣсто напечатаннаго „скорѣе отъ дѣлъ къ слову“ слѣдуетъ читать „Скорѣе отъ словъ къ дѣлу“. Начальныя строки Въ № 5 „П. Е. В.“ „О. М. В.“ слѣдовало бы напечатать вѣроятно обыкновеннымъ шрифтомъ. На стр. 693 4 стр. снизу напечатано „несостоятельными и сложными“ слѣд. чит. „несостоятельными и ложными“ стр. 694 12 стр. снизу напеч. „посланія“ сл. ч. „пожеланія“ стр. 694 3 стр. снизу напеч. „§ 552“, слѣд. чит. § 52 стр. 695 стр. сверху напеч. „1891“, сл. ч. „1881“ стр. 697 напеч. „безъ разрѣшенія средостѣнія“, слѣд. чит. „безъ разрушенія средостѣнія“.

Статья отослана въ редакцію до опубликованія новыхъ правилъ благотворительныхъ собраній и совѣтовъ. Устанавливая благотворительныя совѣты изъ выборныхъ духовенствомъ членовъ на трехлѣтній срокъ и предоставляя право духовенству собираться на благотворительныя сѣзды, эти правила обходятъ вопросъ о выборѣ благотворительныхъ на **опредѣленный срокъ**. Прежними правилами утверждень **шестилѣтній** срокъ прохожденія этой должности; послѣ этого выборъ кандидата производился вновь закрытой баллотировкой (правила избир. благоч. соб., разосл. при цирк. Полт. Дух. Конс. 30 дек. 1875 г., № 10523). Отмѣна этого цѣннаго для духовенства права была одной изъ причинъ ослабленія корпоративной дѣятельности духовенства. Возвращеніе къ прежнему порядку выбора благотворительныхъ на **опредѣленный срокъ** (3-хъ, 5-ти, или 6 лѣтній, по указанію епархіальнаго начальства), полагаемъ, будетъ сочувственно встрѣчено рядовымъ духовенствомъ. Безъ этого права едва-ли призванные къ жизни благотворительныя совѣты и сѣзды смогутъ принести осязательную пользу въ нашемъ духовномъ быту. Исторія возникновенія ихъ при существованіи выборнаго начала и постепеннаго замиранія при отмѣнѣ его служить тому подтвержденіемъ.

С. М. Ч.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При Покровской церкви мѣстечка Опошни, Зеньковского
уѣзда, Полтавской епархіи,

ПРОДАЕТСЯ

съ разрѣшенія Епархіальной власти,

СТАРЫЙ ИКОНОСТАСЪ

съ хорошо сохранившейся и хорошаго
достоинства живописью.

Желающіе его приобрѣсть, могутъ по этому дѣлу обра-
щаться по адресу Причта и Старосты этой церкви.

НА ДНЯХЪ ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ

СКАЗКА КРОШКИ:

НИНОЧКИНЫ ИМЕНИНЫ

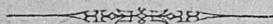
(съ стихами и съ иллюстраціей).

Дѣдушки Ольскаго.

Цѣна 5 коп.

Отвѣчая необходимости поддержанія вѣры, для удобства пастырей и распространенія въ народѣ, вышли особымъ изданіемъ печатавшіеся въ Еп. Вѣд. „КАТИХИЗИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ“ на Символь, примѣненныя къ пониманію нашего народа. Цѣна съ пересылкою: розн. **20** опт. **15** коп.

Адресъ: почт. отд. Литвяки, свящ. Романову.

СОДЕРЖАНІЕ.—I. Бесѣда 12-я.—II. Къ исторіи церковно-приходской жизни лѣвобережной Украины въ 18 вѣкѣ.—III. Рѣчи, сказанныя надъ гробомъ В. П. Ковалевскаго.—IV. Мысли и замѣтки.—V. Письмо въ редакцію.—VI. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи | *В. Терлецкій.*
 | *В. Конопатовъ*

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры. 1-го Іюня 1906 г.

Полтава, Типо-лит. Торг. Дома И. Фришбергъ и С. Зороховичъ.

